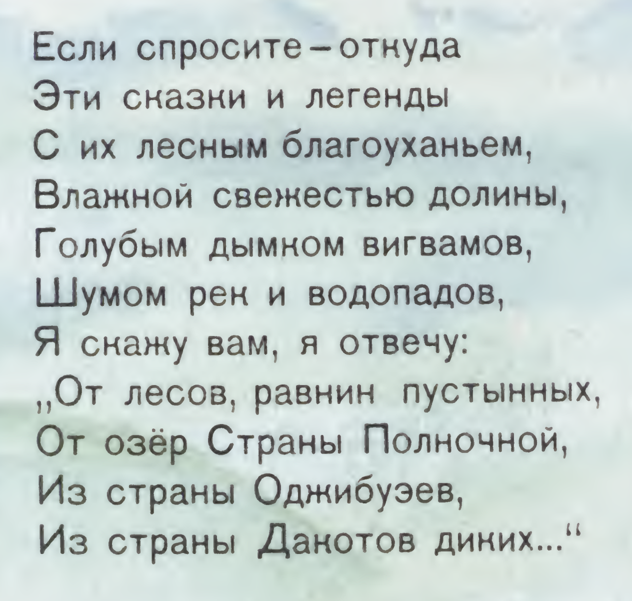

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—245

Песнь
о
Гайавате
По мотивам поэмы
Генри Лонгфелло
в переводе Ивана
Бунина
Художник К. Сапегин

Если спросите – откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Я скажу вам, я отвечу:
„От лесов, равнин пустынных,
От озёр Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких...“

Сотни лет слагали индейцы Северной Америки легенды о Гайавате. Он—зачинатель земледелия, он побеждает злого волшебника—«Духа богатства, Духа наживы». Несёт племенам мир.

Гайавата жил в XV веке. Тогда кровавая колонизация белых пришельцев ещё не проникла в глубь страны, тогда сложился и окреп Союз племён—Союз мира, создателем которого считался Гайавата.

Легенды о Гайавате в XIX веке собрал и обработал американский поэт Г. Лонгфелло. Он внёс в сокровищницу мировой культуры своеобразную поэзию индейцев с её величавой простотой, гуманизмом, острым чувством природы.

На прибрежье Гитчи-Гюми, светлых вод Большого Моря,
С юных лет жила Нокомис, дочь ночных светил, Нокомис.

Там, в тиши лесов и моря, внука нянчила Нокомис.
В люльке липовой качала, устланной кугой и мохом,
Крепко связанной ремнями...

Вечерами, тёплым летом, у дверей сидел малютка,
Слушал тихий ропот сосен, слушал тихий плеск прибоя,
Звуки дивных слов и песен.

Всех зверей язык узнал он, имена их, все их тайны:
Как бобёр жилище строит, где орехи белка прячет,

Отчего резва косуля, отчего труслив Вабассо;
Часто с ними вёл беседы, звал их „братья Гайаваты“.

Миновали годы детства, возмужал мой Гайавата;
Игры юности беспечной, стариков житейский опыт,
Труд, охотничьи сноровки — всё постиг он, всё изведал...

На прибрежье Гитчи-Гюми, светлых вод Большого Моря,
Вышла старая Нокомис, простирая в гневе руку
Над водой в стране заката.
Говорила Гайавате: „Там живёт волшебник злобный
Меджисогвон, Дух Богатства.

Лук возьми свой, Гайавата, острых стрел возьми с собою,
Томагаук Поггэвогон, рукавицы Минджикэвон
И берёзовую лодку... И убей ты чародея,
Отомсти врагу Нокомис, отомсти врагу народа".

Гордо вдаль неслась пирога, грозно песню боевую
Пел отважный Гайавата... Плыл всю ночь, пока
Не скрылся с неба бледный полный месяц.

А когда пригрело солнце, стало плечи жечь лучами,
Увидал он пред собою на холме Вигвам Жемчужный –
Меджисогвона жилище.

Быстро вышел Меджисогвон из Жемчужного Вигвама,
Быстро вышел он, могучий, рослый и широкоплечий,
Сумрачный и страшный видом.

И начался бой великий...
Целый летний день он длился, ибо стрелы Гайаваты
Бесполезно ударялись о жемчужную кольчугу.
Бесполезны были даже рукавицы Минджикэвон
И тяжёлый томагаук.

Наконец перед закатом, весь израненный, усталый,
С расщеплённым томагавком, с рукавицами в лохмотьях
И с тремя стрелами только, Гайавата безнадёжно
На упругий лук склонился...

Вдруг зелёный дятел, Мэма, закричал над Гайаватой:
„Целься в темя, Гайавата, прямо в темя чародея,
В корни кос ударь стрелою: только там и уязвим он!“

В лёгких перьях, в халцедоне, понеслась стрела-певунья
В тот момент, как Меджисогвон поднимал тяжёлый камень,
И вонзилась прямо в темя, в корни длинных кос вонзилась.

Из вигвама чародея Гайавата снёс в пирогу
Все сокровища, весь вампум, снёс меха бобров, бизонов,
Соболей и горностаев, нитки жемчуга, колчаны –
И поплыл домой, ликуя, с громкой песнею победы.

Весь народ героя встретил пляской, пеньем, восклицая:
„Слава, слава Гайавате! Побеждён им Меджисогвон,
Побеждён волшебник злобный!“

Навсегда остался дорог Гайавате дятел Мэма!
В честь его и в память битвы он свою украсил трубку
Хохолком из красных перьев.

А богатства чародея разделил с своим народом,
Разделил по равной части...

„Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивою;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна...
Порознь оба бесполезны!“
Так раздумывал нередко
Гайавата и томился
То отчаяньем, то страстью,
То тревожною надеждой,
Предаваясь пылким грёзам
О прекрасной Миннегаге
Из страны Дакотов диких.

Осторожная Нокомис говорила Гайавате:
„Не женись на чужеземке, не ищи жены по свету!..
Злобны дикие Дакоты, часто мы воюем с ними,
Распри наши не забыты, раны наши не закрылись!“

Усмехаясь, Гайавата так на это ей ответил:
„Потому-то и пойду я за невестой в край Дакотов,
Для того пойду, Нокомис, чтоб окончить наши распри,
Залечить навеки раны!“

И пошёл в страну красавиц, в край Дакотов, Гайавата,
В путь далёкий по долинам в тишине равнин пустынных,
В тишине лесов дремучих...

У дверей в своём вигваме вместе с милой Миннегагой Стрелоделатель работал. Он точил на стрелы яшму, Халцедон точил блестящий.

Миннегага же в раздумье вспоминала, как весною
Приходил к отцу охотник из земли Оджибуэев...
Сам отец потом нередко в нём хвалил и ум и храбрость.

Вдруг почудился им шорох, чья-то поступь в чаще леса.
Шум ветвей — и чрез мгновенье, разрумяненный ходьбою,
С мёртвой ланью за плечами, стал пред ними Гайавата.

Встала с места Миннегага, отложив свою работу,
Принесла к обеду пищи и стыдливо подавала с пищей
глиняные миски...

После села, стала слушать разговор отца и гостя.
Услыхала Миннегага о Нокомис престарелой
И о счастье, о довольстве на земле Оджибуэев.

„После многих лет раздора, многих лет борьбы кровавой
Мир настал теперь в селеньях Оджибуэев и Дакотов!“ –
Так закончил Гайавата, а потом прибавил тихо: –
„Чтобы этот мир упрочить, закрепить навеки дружбу,
Дочь свою отдай мне в жёны, отпусти к нам Миннегагу!“

Призадумался немного старец, прежде чем ответить,
Посмотрел на гостя гордо, посмотрел на дочь с любовью
И ответил очень важно: „Это воля Миннегаги.
Как решишь ты, Миннегага?“

И смутилась Миннегага, и ещё милей и краше
Стала в девичьем смущенье. Робко рядом с Гайаватой
Опустилась Миннегага и, краснея, отвечала:
„Я пойду с тобою, муж мой!“

Весел был их путь далёкий по холмам и по долинам,
Хоть и тихо Гайавата шёл теперь—для Миннегаги.
На руках через стремнины нёс он девушку с любовью,
Лёгким пёрышком казалась эта ноша Гайавате.

Так в вигвам Нокомис старой возвратился Гайавата
Из страны Дакотов диких с Миннегагою прекрасной,
И была она в вигваме огоньком его вечерним,
Светом лунным, светом звёздным, светлым солнцем для народа.

Из долины Тавазэнта, от скалистых гор далёких,
От озёр Страны Полночной
Все народы увидали отдалённый дым Покваны,
Дым призывный Трубки Мира.

Вдоль потоков, по равнинам, шли вожди от всех народов,
Шли Чоктосы и Команчи, шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки, Оджибвэи и Дакоты, – шли к горам
Большой Равнины, пред лицо Владыки Жизни.

И величественный голос, голос, шуму вод подобный,
Шуму дальних водопадов, прозвучал ко всем народам:
„Погрузитесь в эту реку, смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови, закурите Трубку Мира
И живите впредь, как братья!“

И все воины на землю тотчас кинули доспехи,
Смело бросилися в реку, смыли краски боевые...
Мутной красною волною ниже их вода лилася,
Словно смешанная с кровью.

Смывши краски боевые, вышли воины на берег,
В землю палицы зарыли, погребли в земле доспехи,
Закурили Трубку Мира
И пустились в путь обратный...

Погребён топор кровавый, погребён на веки в землю
Тяжкий, грозный томагаук, – мир настал среди народов.
Мирно мог теперь охотник строить белую пирогу,
На бобров капканы ставить и ловить сетями рыбу;

Мирно женщины трудились: гнали сладкий сок из клёна,
Дикий рис в лугах сбирали и выделывали кожи.

Вкруг счастливого селенья зеленели пышно нивы.
Это женщины весною обрабатывали нивы,
Хоронили в землю маис на равнинах плодородных.

Это женщины под осень жёлтый плащ с него срывали,
Обрывали косы, перья, как учил их Гайавата.

Сценарий Н. Топоркова

Редактор Г. Калашникова

Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1967 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30

Д-103-67